

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

— не в первый раз лавинштейн па-
|стасью, а она скрывает это?"

городу, где жили Емельяны с Настасьею, и по этому поводу Емельян закричал, что тот уже знает, где их квартира.

— Идет встречн с Настасьею! — эта мысль еще больше окрыляла Емельяна.

Он сбибаслся с паромом и прожмался севатьи к Шенкаву. Наконец, тут до него дошло, что по направлению, противоположному от их квартиры.

Емельян продолжал издалека наблюдать за ними и тоже неостановительно думать, все сбибасываясь с паромом.

Григорий Семенович пошел по кладкам через балку, где была покрыта тонким потрескавшимся слоем глха вода, протекавшая с завода. Поднялся наверх, по сторону трактора.

Емельян рыпнать, что тот похотел в трактор, и уже обдумывать, как поступить ему, чтобы не потерять Шенкаву. Но Григорий Семенович успел достать из кармана кошелек, поспотушить в него и повернуть назад, но направление к городу.

Емельян обдумывать себя все в тьме, что у Шенкава мало денег, чтобы идти в трактор.

Когда ему стало уже совсем ясно, что Шенкаву пошел в город, тогда он повернул домой.

Он не переставал задавать себя вопросы: откуда тот приохлает, что Настасья на завод? Выходит ли он искать встречн с нею? Догадался ли он, что он ушел с тьм танштейнских домиков, вогнанных он вместе в ресторана? Жалкая дорога? Каким путем сдаться, пришить, чтобы помышлять их встречн?...

И вдруг новая мысль окрла его.

— А может быть, он уже виднлся?...

Сначала Емельян пришло в голову только предположение, что Шенкаву только сейчас, в первый раз, напал Настасью и виднлся с нею. Но сдвигая за этики, другое, более странное, подозрение закралось в душу Емельяна: — может быть, он уже не в первый раз навещает Настасью, а она скрывает это?...

Позднорние начало быстро уходить. Вот уж с недрью, еще в праздник, Настасья жалуете то голодную боль, то на лихорадку, вонсе не иметь большого зды. Хотя и задумывая, не такая, какою бы да раньше. Разе да, когда она приосла Емельяну на завод? Ну, он как бы тогда, хотья убавить, что отнюдь не за работн и на скоро верного домой. Даже у Прасковьи в последние дни как-то странно бгазает глха, словно ей нездорово смотреть правде в лицо Емельяну. И почему Шенкаву днаает такой крыж, миво верннх вернот завода, когда прямая дорога в город — миво ннхнх в город? Если бы он только искал Шенкаву, — это было бы еще объяснимо. Но онч навизивал на гору, где обивали трая Емельяна, так что, очевидно, уже знает ее.

И опять Емельяна хватиле обиваям и ристе, в голодную, когда у него сбибасило кланки, и онч чувствнство себя способным на убийство, внаде, затнм, ннрнута тогнч-реакция — самоубийство, которое он уже выбралн в себе.

Емельян продолжал соорбачать Настасья знала еще третьего дня, кнзненно сегодня онч похотел сншнхнну. Проложение его нднн высе очень правнлось ей. Сегодня же вдруг оказалось большой. Вспомннть онч толь он, дншнн и увернзлн...!

Когда онч похлхал кнсовой кнвнтр, онч рывал вопросы: сказал ли жнсь прямо, что встречнлся? Или онч сншнл на время и ннспннннннн Прасковню, прихлнл-ли кто бднх нм не ухлхнл-нн нз дому у стасья? Или прямо и снбнло спроснл?

Как поступнть, чтобы втрнбн браться до правды?...

(Продолжение слндетя).

Вл. Немнровнч-Данчен

Голосъ-же внутри будто говорилъ: „Разнесу — не выпью“. Старичекъ-же настоятельно продолжалъ: „Выпьешь, — говорю“. **Испробу-**

